

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 29 2007

Огни Кузбасса

84Р6

152

Статьи

АЛЕКСАНДР ГЛАЗЫРИН
Искреннее признание

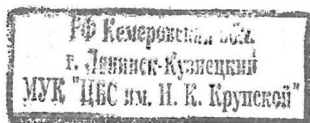
Александр ГЛАЗЫРИН

ИСКРЕННЕЕ ПРИЗНАНИЕ

С т и х и

Кемерово
Кузбассвуиздат
2007

ББК 843Р7
Г52

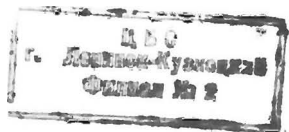

Глазырин А.

Г52

Искреннее признание: стихи / А. Глазырин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 47 с.

ISBN 5-202-00960-7.

ББК 843Р

ISBN 5-202-00960-7

© Глазырин А., 2007

© Изд-во «Кузбассвуиздат», 200

* * *

Где-то есть в гармонии запреты,
и лазейки в том, что есть запрет.
Травы косят на исходе лета,
грусть приходит на исходе лет.

Но у грусти корни в том веселье,
где слова не приняли всерьез.
Вот и снова листья порусели
у когда-то молодых берез.

* * *

В твоих зрачках тонул я и всплывал.
В твоих глазах мельчал, сгорал и падал.
О, Боже, кем я только не бывал!
Но иногда я был заданьем на дом:

я подлежал разборкам. И прогноз
на завтра был невесел для субъекта.
А я такую чушь о чувствах нес,
что взгляд твой был предштормового цвета.

Сто лет прошло: все кажется как быль.
На тех – себя – глядим, как на портреты,
но хочется с того – с бывшего – лета
стереть хотя бы раз в неделю пыль

и разглядеть волнение, а не штиль
в твоих глазах немыслимого цвета.

ГОРЬКИЙ МЕД

В дневник чего я только ни писал –
как будто юность впрок я запасал,
как сено, дни душистые копнил.

Трехлистный клевер? –

Что я любил.

И незабудки – тоже.

Исжженный мак

таил в себе огонь любви и уголь.

Я вел дневник беспечно, просто так –
пока любил и улыбались губы.

Мой дом по окна замели снега.

По белый цвет – не вечности примета!

Растает снег,

и вынырнут стога

с душистыми сокровищами лета,

и полыхнет зарница,

и вздохнет

любовь, как оживающий подранок.

Но горек тот

засахаренный мед,

застывший в сотах

дневниковых рамок.

КОНИ

Куда вы, кони?
И откуда –
земли венчальная краса?
Не видим мы родное чудо,
в чужие веря чудеса.
Табун уходит.
Заплетает
хвосты и гривы тот туман,
в котором ловят,
хомутают
и запрягают в шарабан.

БЕНЖЕРЕП

Укради меня у грусти –
стал горчить пшеничный хлеб.
Где твои седые гуси,
речка детства, Бенжереп?
Я бы сел у крутояра
возле светлого леска...
Для чего такая кара –
по родным местам тоска?
И приеду! У протоки
все печали разрешу,
про свою дорогу строки
на бересте напишу.
Путь сперва к Новокузнецку,
в Кузедеево – потом,
от него пешком, как в детстве, –
по проселку босиком.
Пыль теплей, чем пух гагачий,
а пообочь – травостой!
А навстречу мальчик с пальчик
с хворостинкою простой.
До чего пахуч и вкусен
на земле родимой хлеб!
Где твои седые гуси,
речка детства, Бенжереп?

* * *

В бревенчатом доме старинном,
где прежняя утварь жива,
где с вышитым гладью павлином
привычно живут кружева,
не думал я встретить похожих, —
проезжее, в общем, лицо, —
но думал: осталось, быть может,
на балке

для зыбки кольцо...

Веревку ногою цепляя,
сестренка немало недель,
ни сна, ни покоя не зная,
качала мою колыбель...

И время не то, и владельцы
менялись, не зная о том,
что теремом виделся в детстве
мне этот вот старенький дом.
Прощайте, обжившие терем! —
не близкий я вам, не родной.
Но предков незримые тени
протиснулись в двери за мной
с надеждами прежних столетий,
с крестьянским аршином своим —
наивные старые дети,
которыми был я любим.

* * *

Впервые покидаю отчий край,
где я любил березу и осину,
пригорка ноздреватый каравай,
пропизанную зеленью низину.
Когда приснится волокнистый дым,
застрявший в тонколесье на болотце,
меня потянет к рошицам родным,
и силы не найду с собой бороться.
Холодному рассудку вопреки –
ревнителю покоя и спасенья –
я буду жить теплом прикосновенья
листа, быть может,
может быть – руки.

ОЗЕРО

Когда-то старик прозорливый
у этого озера жил –
избушку срубил у залива,
плотину в грозу сторожил.

С зарей он здоровался утром,
соседу как будто кивал
и медленно в лодочке утлой
будить карасей уплывал;

ругал судака за всеядность,
беспечную молодежь корил,
но чувствовал в пальцах приятность,
когда ее тестом кормил.

А время к закату летело.
Весло тяжелело в руках.
И так старику не хотелось
 всю жизнь проходить в чудаках.

Но с темного озера ветер
легонько его утешал,
сушил самовязные сети
и долго на угли дышал.

И тени клубились теснее,
когда разгорались дрова.
И с каждой минутой честнее,
добрее рождались слова.

* * *

Дремлет город без огней.
Лишь по улицам широким
движется поток теней
к позабытым, одиноким.

Светофоры – не указ
неосознанным потерям,
приникающим к портьерам
с двух сторон в урочный час.

Стуки стульев. Огоньки
сигаретного общения...
Как пробитые мишени,
прошлым дышат старики.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Пустуют дачи. Крыши. Снег.
Дома, как выставшие души.
Под снегом ни воды, ни суши,
ни следа заячьего нет.

А электричка колготит.
В вагонах тесно и угарно,
и невозможно сесть попарно
в начале, как и в полпути.

И пролетают, словно сны, –
явившись и забывшись следом –
то зелень темная сосны,
то снежный холмик, слитый с небом.

Все мимо, мимо нас, все – вне.
И видеть это нам не странно;
как луноходик на Луне
сквозь выпуклость телеэкрана.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Василий Васильевич не ветеран:
случилось на фронте идти на таран.
Василий Васильевич в Майданек попал,
а выживший немец – на лесоповал.

Хоть леса в России на тысячу войн,
вернулся в Саксонию немец живой.
Василий Васильевич на лесоповал,
из плена в родную неволю попал.

О Кате-Катюше такой молодой
поют и в чужой стороне, и в родной.
И груши лет двадцать цвели, и туман
вплывал то в барак, то в лесной балаган.

Прощенье. Крушение. Решение. И вот
Василий Васильевич тапочки шьет,
он тапочки шьет, да «Катюшу» поет,
да по воскресеньям товар продает:

на водку-селедку, на хлеб да табак.
Война – не в зачет, ну ни этак, ни так!
За труд подневольный ему пенсион
не платят ни с ихней, ни с нашей сторон.

Василий Васильевич, друг-человек,
с нуля каждый раз начинает свой век
все в этой завещанной Богом стране,
где сеют весной по осенней стерне.

Он не был на небе седьмом – не его ж
любить лишь за то, что туда он не вхож?
А любится то, что лежит по логам:
родной Кандаlep да лесной балаган.

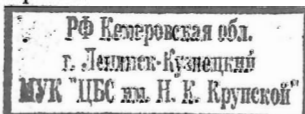
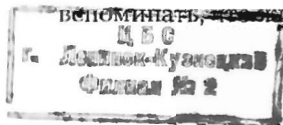
Писали поэты, Россию любя,
давали когда за строку полрубля.
Василий Васильевич, старый чудак,
Россию с Саксонией любит за так.

* * *

Когда не совладать с тоской,
не вспоминайте об обидах.
Последний козырь – бег трусцой.
Два шага – вдох, три шага – выдох.
На вдохе думать: «Поскрипим,
гуськом труся за тем дедусей.
Возможно, что не только Рим
спасали в этом мире гуси».
На выдохе уйти вовнутрь,
как схлопнувшееся пространство,
чтобы понять, как долг путь
и чем чревато постоянство.

* * *

Винный привкус кабалы,
муки страстные неволи,
отсверкавшие балы,
додоманы в пепле моли...
Кем я ни был...
Кем не стал...
При святом свеченье вишни
Книгу Жизни пролистал.
Где автограф твой, Всевышний?
«Бурда мода», сплин, бурда,
«гений нашей перестройки»...
Эй, шальные, вы – куда?
Тиру! По вскачь несется тройка.
Кто – с кнутом, а кто – седок?
Образ – Русь под образами.
Оторвался передок,
И в снегу увязли сани.
Господи, прости нас всех
за неверие и веру:
что у этих, что у тех
на губах кагор и вермут.
И у этих, и у тех
нет ни жмыха, нет ни жита...
И теплее всех утех
вспоминать, как жизнь прожита.

* * *

Освистаны рощи.
Им шорох оставлен,
но он —
не голос надежды,
а осени медленный звон.

Часовенки памяти.
Веры не крест, не эфес —
березовый в бронзе
и в меди осиновый лес.

Крича, не кричу —
осязая, глазами зову.
Деревья
стволами по кругу
вздыхают:
— Ау...

* * *

Весь в листьях огород, а тополь все сорит,
И женщина в ведро опавший лист сгребаёт.
Нет, что ни утверждай и что ни говори,
а лето каждый раз красиво погибает.

Под кровлю лопуха, под вишню, под забор
набило, намело – то россыпь, а то ворох.
Об этой желтизне повсюду разговор,
а после разговор об этих разговорах.

Мир что-то приобрел, но что-то потерял –
я женщину такой, как нынче, не увижу.
Мы тоже, как листва, не вечный матерьял,
очнемся по весне – тот выжил, тот не выжил.

Мы сами, как стихи: согреемся теплом,
понохает дымок остуженного пала,
налево поглядим – а правое в былом.
Так много позади, а впереди так мало!

Багрец, да желтизна, да сучьев кутерьма,
трепещет поздний лист, как выстоявший выпел.
Нет, что ни говори, умеет и зима
прикинуться, что ей билет счастливый выпал.

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ СКОРОСТЬ

Всех обогнал. Прорвался в одиночество.
Не мил простор и перспектива – вот:
холодный мир – божественное зодчество.
В нем все: сырье, могила и оплот.

Какая грусть приходит вместо гордости!
Служить чему-то? Для чего-то? Для...
Вы прокляты, субсветовые скорости,
но как и те, что около ноля.

Лишь суетность и есть обетованное,
залюбленное всем живым до дыр:
дешевый мир, облупленная ванная,
жена, работа, дети, грешный мир.

* * *

Осень. Стекла опять запотели.
Дух жилого, бесследно не сгинь!
Даже птицы не все улетели,
пожалели седую полынь.

Мы вторые поставили рамы.
Держат бревна тепло сентября.
Ты к холодной воде из-под крана
по утрам приучаешь ребят.

А в пространные дни выходные
я – виной облегчающих слез.
Держим мы, будто рамы двойные,
ты – тепло, я – наружный мороз.

* * *

Я говорю: «Это было давно».
Ты говоришь: «Нет Дороги бесследной».
Пахнут луга. Этот запах сенной
между былым и грядущим посредник.

Встанем пораньше, до стада, с зарей –
может, помирят нас вечное млеко?
Встанем, оставим следы за горой,
раков руками половим, как Грека...

Может, сойдутся бывшего следы
с нашими? Души ведь – те же вокзалы...
«Нет, – говоришь, – это я, а не ты,
я о следах неизбывных сказала!»

* * *

Вчера, когда рябило воду
и ветер гнул вершины ив,
средою родственной погоду
почувствовал речной залив:

упругим воздух стал и плотным.
И эта плоть была живой,
как истребитель беспилотный
над шхуною сторожевой.

РАССВЕТ

Бурьян, поленница в сарае,
копешка сена для козы...
Давно ль по солнцу мы сверяли
свои веселые часы?

С трех до шести, меня, бывало,
как длинный хмель опутав, спишь...
Петух глядит на солнце шало:
устал орать, а ты все спишь.

Ты где во сне? И что там было?
Я, как собор, над сном твоим.
Кого-то тайно ты любила,
но именем звала моим.

* * *

Кончается осень таким же дождем,
каким начинаются весны и лета.
Признаюсь, что в этом я не убежден.
Но если и так, то неправильно это!
Тот дождик накрапывал, лил, орошал –
нечастый, слепой, обложной, придорожный,
забытую нежность в груди воскрешал
и глупую грусть о любви невозможной;
он шел по болоту, как цапля, стучал
не в листья кувшинок, а в ставни царевен.
То землю поил он, то душу смягчал,
был сладким, как сон, или кислым, как ревень.
Мы были простыми под летним дождем,
и мокрое платье так приближало,
что я цепенел, тем дождем пригвожден,
я был награжден, хотя ты побеждала.

КОМА

Я умирал, и медсестра спешила –
скользила вена, шприц в руках дрожал.
Какая сила жизнь во мне гасила,
и почему я ей не возражал?
Сужался мир до пятнышка прокола.
В момент, когда небесный свет погас,
открыла дверцу неземная школа,
где все, что есть ДО нас и ПОСЛЕ нас.
Ни боли, ни волнения, ни мысли,
ни тела – только ЯСНОСТЬ и ПОКОЙ...
Но вот сознание облетело выси,
вошло, и я
пошевелил рукой.
Сестричка рада – выговор не светит.
В палате шум – вернулся доживать.
И все как есть на этом самом свете:
глюкоза, инсулин, тоска, кровать...
А что открылось для меня – загадка.
Возможно, так и надо?
Может быть...
Но миру предстоит переналадка,
иначе будет некого любить.

* * *

Мир прозябал, не зная мук,
ждал о себе сонета...
В почтовом ящике – паук.
Ни мухи. Ни конверта.
Ау, любимые и не-
любимые толстушки!
Но звуки вязнут в тишине,
как после грома пушки.
Ушли в политику друзья,
в аферы, в рэкет, в вузы,
как все наследные князья
из бывшей партобузы.
Поймай, паук, хоть клена лист
своей тончайшей сетью!
Погиб во мне конструктивист
к шестидесятилетью.

* * *

Не сужу – законы сердца скупы.
Жить по праву «да» и «нет» – могу.
Но твои волнующие губы –
как жарки на утреннем снегу.

«Чет» и «нечет» в мудрости ромашек:
«да» и «нет» – какой наивный счет!..
Но путем ошибок и промашек
даже речка сверху вниз течет.

Не судить же берега и воды?
И судьбу нелепо упрекать.
Пескари, и те – не счетоводы,
просто роют желтый перекат.

А судить – работа не из лучших.
Все законы под кого-то гнут.
Лучше прилетай, крылатый лучник,
обмануть на несколько минут,

отуманить поволокой взгляда,
не сломать судьбу, так изменить,
чтоб за каплю сладостного яда
было впредь кого-нибудь винить.

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

С намятыми боками,
но без потери шарма,
меня вперед ногами
опять несут из жанра...

Весна не за горами.
Приход ее обычен.
Мир ироничен в драме,
в комедии – трагичен.

* * *

Снег, подтаявший на изгороди,
и сосулек терема.
С покосившимися избами
забавляется зима.

На сугробы заоконные
залезают кобели,
лают важно, как знакомые:
«Саня, стены побели!»

Очень антисанитарное
состоянье зимних чувств.
«Цыц, дворняги элитарные!» –
Кулаком в окно стучу.

* * *

Мне казалось, что долю земную прожил
и равнину измял, словно каменный полоз.
Я еще пожалею, что куда-то спешил,
не дослушал бродяжью печальную повесть,
не раздул самовара сапогом во дворе,
«козью ножку», за дедом спеша, не сворачивал.
Сам, как звездное небо, звезду на заре
я одну за другой потихоньку утрачивал.
В дорогую бездонную синь погляжу –
ни зацепки для взгляда, надежды – ни бисера...
Понимая, что я навсегда ухожу,
не услышу ни «браво», ни «бис», ни «брависсимо».

* * *

Скрип калитки, и вновь зазнобило:
неужели опять виноват?
Ты ж сказала: давно разлюбила
и дороги не будет назад!

Хорошо, что устали мы оба
пить не нашей закваски вино.
Что кому-то дается до гроба,
то с рождения нам не дано.

Я не буду искать по крупице
то, что может, как звездная ночь,
тарантас превращать в колесницу
и в богиню – соседкину дочь.

* * *

Пальцем ткни – повсюду я:
эта улица – моя,
тополь – мой, моя калитка.
Не хватает соловья.

Во дворе – моя сирень,
тень – ее, но мой плетень,
на плетне горшок, который
шепчет в ухо дребедень:

«Я варил и я кормил,
меня горшечник сотворил.
Ела вся твоя семья,
а теперь вот – ты да я...»

* * *

Остаток лета. Убыль.
Порочность вечных тем.
К зиме заботит уголь
и утеплитель стен.

Но что-то в сердце ноет –
приходит сна лишать,
рожденное до Ноя
с сегодняшним мешать.

Как будто Небыль с Былью
возводят Вавилон,
равняя небо с пылью
египетских времен.

САМОЗВАНЦЫ

Крестоносцы себя
окрестили.

Звездоносцы себя
озвездили.

Рогоносцы себя
забодали.

В этом есть кое-что, и так дале...

Мы, дурные,
ковали подносцы –
подносили кресты и медали.
И безроги мы были, как овцы,
но, как овцы, друг друга бодали.

* * *

Все исполнил. В желаньях не мешкал.
Чушь собачья, что смерть у виска.
В мрачном слогe Шекспира – усмешка,
а в улыбке Хайама – тоска.

Мир на срезax конечен и кольчат.
В струйке снега – и дождь, и река...
«Однозвучно гремит колокольчик,
и дорога пылится слегка».

РАЗВЕРТКА ЦИТАТЫ

Кухарка грабит Русь себе на дачу.
Я печь топлю стопой черновиков,
на вдохновенье экономно трачу
энергию куриных потрошков.

За мысль, товарищ Ленин, благодарствуй!
Ты прав всегда, везде, но вряд ли тут:
когда кухарки правят государством,
его поэты улицы метут.

СТАРЕЮ

Старею: играть перестал в лотерею,
мудрею, лысею, слегка матерею.
Не зубы, а корни теперь я теряю,
мы все матерьяльны – себе повторяю.

Какие-то гены – ступени ракето-
носителя – канули в прошлое лето.
Я скованность чувствую болью сустава.
И кровь, вероятно, другого состава.

Ушла бесшабашность, пропала веселость...
О Господи, скоро твоя невесомость,
небесная вечность и нежность дивана:
сначала нокаут, а после – нирвана.

* * *

Свернула в лесок дорога –
в шелест и в трескотню.
Кланяюсь, как пророку,
срубленной вербы пню.

Трогают ветки нежно,
и валежник хрустит:
не могу ли о прежнем
с валежником погрузить?

К общности приноровленные,
маются без любви
хвоей отполированные
желтые муравьи.

Они всегда при оружии –
легион золотой –
описывают полукружия
пахнущей кислотой.

А мы подставляем щеку
небритуую
для бритья
то Западу, то Востоку
ради житья-бытья...

ПРОШЛЫЙ ВЕК

По губам, по ногам, по походке, по бюсту
выбирали, кого затащить бы в капусту,
где находят малышек – девчонок, мальчишек,
словно кошки сиамские спрятанных мышек.

Прошлый век потому называют хорошим,
что чудесное в нем совершается в прошлом.
Это после в сознание детям вбивают,
что чудес не бывает, чудес не бывает.

* * *

Полати в раю или нары?
Будильник или трубач?
Проводит ли Бог семинары
с постановкой задач?

В одиннадцать гасят там свечи
иль светлячков на кустах?
Целуют там губы и плечи
или же медь на крестах?

Работают ли налоги?
Оплачивают ли долги?
Как хочется вспомнить о Боге.
Господи, не солги!

* * *

За что поэты всех мастей,
страстей, идей, уклонов
не пощадили ни костей,
ни мумий фараонов?

Рабы слабы, слабы рабы,
их дух лишен броженья:
спокойней подставлять горбы,
чем принимать решенья.

ДЖИН

Душа, ты – добрый джин,
закупоренный пробкой.
Содержится режим
под черепной коробкой.

Но вот – опять нажим
судьбы неправомерной,
и вылетает джин
из емкости непрочной.

Идет посуду сдать
скорбящая дружина...
Какая благодать –
смотреть глазами джина!

* * *

Она грустит, гневится и смеется.
Какие волны в океанах глаз!
Одна модель художнику дается,
но не дается тонкий пересказ.

Ни слов, ни нот, ни красок не хватает.
А жизнь проходит. Старятся холсты,
надежда, будто снег последний, тает,
и пахнет глиной. Но приходишь ты,

и в красках звуки вдруг себя являют,
и запах цвета просится в слова,
и линии лекально искривляет
неправильность,
которая права!

СОДЕРЖАНИЕ

«Где-то есть в гармонии запреты...»	3
«В твоих зрачках тонул я и всплывал...»	4
Горький мед	5
Кони	6
Бенжереп	7
«В бревенчатом доме старинном...»	8
«Впервые покидаю отчий край...»	9
Озеро	10
«Дремлет город без огней...»	12
В электричке	13
Василий Васильевич	14
«Когда не совладать с тоской...»	16

«Винный привкус кабалы...»	17
«Освистаны рощи...»	18
«Весь в листьях огород, а тополь все сорит...»	19
Запредельная скорость	20
«Осень. Стекла опять запотели...»	21
«Я говорю: «Это было давно...»	22
«Вчера, когда рябило воду...»	23
Рассвет	24
«Кончается осень таким же дождем...»	25
Кома	26
«Мир прозябал, не зная мук...»	27
«Не скажу – законы сердца скупы...»	28
Литобъединение	29
«Снег подтаявший на изгороди...»	30

«Мне казалось, что долю земную прожил...»	31
«Скрип калитки, и вновь зазнобило...»	32
«Пальцем ткни – повсюду я...»	33
«Остаток лета. Убыль...»	34
Самозванцы.....	35
«Все исполнил. В желаньях не мешкал...»	36
Развертка цитаты	37
Старею	38
«Свернула в лесок дорога...»	39
Прошлый век	40
«Полати в раю или нары?..»	41
«За что поэты всех мастей...»	42
Джин	43
«Она грустит, гневится и смеется...»	44

10 руб. 00 **цена**
коп.

Литературно-художественное издание

Глазырин Александр

ИСКРЕННЕЕ ПРИЗНАНИЕ

(Приложение № 29
к журналу «Огни Кузбасса»)

Редактор **А. И. Катков**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Компьютерный набор **Т. Э. Панибратовой**
Корректор **Т. А. Козьева**

Автор проекта **С. Л. Донбай**

Подписано к печати 17.01.2007. Формат 70х108^{1/32}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,1. Тираж 300 экз. Заказ № 705

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48
www.kvi.bip.ru

